УДК 7.01, 7.072
ББК 85.1
DOI: 10.51678/2073-316X-2026-2-24-39

Екатерина Ларина

Теоретические предпосылки концепции «памятника» Алоиза Ригля: проблема влияний

В рамках настоящей статьи предпринимается попытка определения возможных теоретических влияний, которые испытывал Алоиз Ригль, начиная со времени своего обучения в Венском университете, и которые, с большей долей вероятности, нашли отражение в авторской концепции памятника и его ценностей, изложенной в работе «Современный культ памятников: его сущность и возникновение» (1903).

Ключевые слова:

Алоиз Ригль, Венская школа, «Современный культ памятников», культурное наследие.

В памяти своих коллег Алоиз Ригль остался как «чрезвычайно застенчивый и скрытный человек, серьезный и задумчивый мыслитель» [9, S. 266, 276]. Такой же закрытой персоналией является он и для современного исследователя — доподлинно неизвестно, сколькими языками он владел, какие труды читал и ценил, кого считал своими главными наставниками и, если угодно, ориентирами в мире науки. Пока не разобран и не доступен широкой общественности (или же комплексно не сохранился) личный архив, кроме того, сами работы ученого весьма ограничены в цитировании источников. Уловить влияния на риглевскую мысль и отследить дальнейшую трансформацию даже путем кропотливого анализа корпуса его работ довольно сложно. Отто Пехт писал, что «идеи Ригля находились в постоянном движении, и всякий раз, когда возникавшие проблемы требовали этого, или казалось, что требуют, он пересматривал свою позицию и иногда радикально изменял ее» [26, pp. 188–189]. Он же сделал другое весомое замечание: «Мы мало знаем о философском багаже Ригля. В основном, кажется, что это случай самодельной философии» [26, p. 193]. Важной особенностью традиции Венской школы искусствознания в целом являлось то, что она возникла и существовала на пересечении разнородных феноменов [1, с. 15]. То же самое, в частности, можно сказать и про формирование взглядов самого венского историка искусства.

Напомним, что Ригль и его последователи настаивали на самостоятельной ценности каждого из художественных стилей, отсутствию иерархического порядка. М. Дворжак приводил реплику наставника из разговора с ним о том, что «лучший историк искусства тот, у кого нет личного вкуса» [9, S. 262]. Переводя меткое выражение на сферу сохранения памятников, лучшим вариантом для ученого был тот, который не подразумевал за собой склонность к какому-то определенному их состоянию и был одинаково справедлив и внимателен, в том числе к поздним дополнениям и другим метаморфозам, внесенным процессом их бытования.

«Перед произведением искусства, — однажды заметил Шопенгауэр, — нужно вести себя так, будто тебя принимает на аудиенции великий повелитель, следует ждать, пока оно не заговорит» [26, p. 193]. Очевидно, что Ригль был подобным уважительным слушателем. Памятники мыслились им как звенья в цепи развития истории искусства, представление о которой, возможно, основывалось на синтезированном перетолковании идей априоризма Канта и объективного историзма Гегеля[1].

В предисловии к первому изданию труда «Современный культ памятников: его сущность и возникновение» (с указанием авторства) Ригль отмечает, что

> *соображения, изложенные в этом сочинении, обязаны своему возникновению поиску, предпринятому по поручению президиума Императорско-королевской центральной комиссии по сохранению памятников истории и искусства в целях составления плана по реорганизации государственной охраны и реставрации памятников в Австрии, необходимость которой сегодня ощущается повсеместно и остро, поскольку в последние годы произошли глубокие изменения взгляда на сущность культа памятников и на требования, предъявляемые этим культом* [31][2].

Сегодня нельзя с полной уверенностью говорить о том, когда и в какой именно форме было дано это поручение, как и в какой срок происходила работа Ригля над ним[3] (помимо информации о его деятельности, которую можно извлечь из ежемесячного издания комиссии[4]).

Специфика учреждения, чей заказ стал отправной точкой для публикации, подразумевало некую цензуру, обход слишком точных и четких формулировок. Ф. Шоай полагает, что «Ригль не мог открыто утверждать, что в обществе с переходной экономикой, в котором он жил, имелась тенденция ценностям старины постепенно занимать то место в социальном пространстве, которое традиционно было отведено религии; тем не менее именно это значение было вложено в слово “культ” в заголовке» [8, p. 131]. Планировалось, что текст станет преамбулой к закону, регулирующему процесс сохранения памятников: стоит отметить, что Ригль вполне разбирался в нюансах юриспруденции, поскольку некоторое время учился в Венском университете на юридическом факультете [29, p. 25][5].

В 1875 году Алоиз Ригль стал членом студенческого читательского общества (*Der Leseverein der deutschen Studenten Wiens*[6]), в котором особый интерес испытывали к чтению и последующему обсуждению трудов Артура Шопенгауэра и Фридриха Ницше [29, p. 7]. Обстоятельное знакомство с философами помогло участникам, так называемым ранним ницшеанцам, сформировать собственное видение того, как стать культурными и научными новаторами в 1890-х годах; в дальнейшем многие

1 В историографии вопрос о влиянии немецкой классической философии на героя нашего исследования является весьма спорным. Х. Зедльмайр отмечал, что «идеи Ригля уживаются со всеми догадками, органично принадлежащими кантианству, столь же “естественно”, как огонь с водой» [2, с. 472]. В его понимании поздние установки Ригля в духе объективного идеализма «оказываются включенными в историческую линию: Гете, Гегель — Гумбольт, (Конт), Дильтей» [2, с. 473]. На том, что телеология Ригля (его акцент на едином, внутреннем развитии искусства) имеет выраженные гегельянские корни настаивали В. Кемп [16], М. Э. Холли [12], М. Подро [28]. Другие отвергают это влияние, утверждая, что идеи Гегеля пользовались незначительной поддержкой в Австрии — наиболее влиятельные философы Венского университета, включая Франца Брентано и Роберта Циммермана, принадлежали к числу его рьяных критиков. Такой точки зрения придерживается, например, Д. Рейнолдс Кордильоне [29], вместо этого связывая сторонние влияния на Ригля с его знакомством в период обучения с философией воли Шопенгауэра и Ницше. Ю. фон Шлоссер утверждал, что Ригль испытал значительное влияние витализма [29, p. 6].

2 Перевод текста на русский язык, подготовленный Г. Гимельштейном, был опубликован в издательстве V-A-C press в 2018 году [4].

3 Так, Шлоссер пишет о том, что «Современный культ памятников» является дополненным конспектом прочитанной ранее Риглем лекции, однако нет никакой подтверждающей информации о том, что такая лекция когда-либо состоялась [35, S. 193].

4 Подробнее об этом см.: [3].

5 Опубликованный в 1903 году «Проект правовой организации охраны памятников в Австрии» состоял из следующих частей: вводная первая имела заголовок «Сущность и возникновение современного культа памятников» (для последующей публикации с указанием авторства Ригля он был несколько изменен), вторая называлась «Черновик текста закона об охране памятников», третья была посвящена организационным вопросам работы комиссии «Положение о реализации закона об охране памятников». Ввиду отсутствия в данном издании информации о его составителях, до настоящего момента остается неизвестным, являлся ли Ригль также автором двух других частей, помимо первой, или нет. С одной стороны, имея знания в сфере юриспруденции и отличаясь большим энтузиазмом, Ригль вполне мог предложить свои наработки в законодательстве. С другой, Центральная комиссия могла воспользоваться услугами практикующего юриста. См.: [14, S. 64].

6 Согласно архивным записям общества, бывшего в тот период одним из самых крупных и престижных организаций Венского университета, Ригль был его активным участником около трех лет. Он занимал различные должности: избирался секретарем, библиотекарем, временно замещал одного из руководителей, наконец, в 1877 году стал членом руководящего комитета и пробыл там вплоть до роспуска общества в 1878 году. Об истории и деятельности общества см.: [23].

1. Неизвестный фотограф *Алоиз Ригль.* Вторая половина XIX в. Фотография из альбома Археологического и эпиграфического семинара Венского университета, основанного Александром Конце. Воспр. по: [37, p. 139]

DER MODERNE

DENKMALKULTUS

SEIN WESEN UND SEINE ENTSTEHUNG

ALOIS RIEGL

2. Титульный лист издания работы Алоиза Ригля *Современный культ памятников: его сущность и возникновение* (1903) [31]

преобразовали наследие философского иррационализма в широкий спектр интеллектуальных, политических и социальных практик[7]. Профессор Венского университета А. Пфабиган, известный по многочисленным публикациям, посвященным участникам упомянутого общества, считает, что «эти молодые люди “поместили” свое восприятие Ницше в рамки собственных дисциплин, тем самым создав в Вене на рубеже веков особую политическую и культурную атмосферу» [27, p. 164].

Действительно, знакомство Ригля с идеями Ницше является редким доказанным фактом, задокументированным протоколами университетских семинаров. В качестве одного из примеров возможного влияния можно назвать схожее отношение к вопросу о прогрессе: хотя Ригль утверждал, что искусство подвержено постоянному историческому развитию, он никогда не называл это прогрессом в качественном смысле (отказ признать устойчивое развитие человечества в направлении конечной цели соответствует философскому иррационализму) [29, p. 42]. Другим важным сближением является принятие Риглем неизбежности подчинения естественным процессам и разрушения всего — как рукотворного, так и природного. Д. Рейнолдс Кордильоне отмечает, что «кульминацией этого стал анализ “культа” исторических памятников — почитание и особенное внимание к ценности возраста, которыми должно было руководствоваться и направлять государство, были элементами его предписания для современного искупления, формулировкой своего собственного дионисийского решения кризиса европейской культуры» [29, p. 43][8].

Ключевое пересечение прослеживается в следующем: в очерке «О пользе и вреде истории для жизни» [25] Ницше выступал против историзма и его программы «наставления без воодушевления» и провозглашал историю, которая бы «служила жизни», выделяя при этом монументальный (для действий и борьбы; великое уже существовало — и может существовать снова), антикварный (для сохранения и почитания; объект благоговения и созерцания) и критический (для страданий и жажды освобождения; прошлое отброшено, чтобы создать лучшее) способы отношения к ней.

Несколькими десятилетиями позже Алоиз Ригль в «Современном культе памятников» использует практически равнозначную трехчастную модель для выделения ценностей памятников: ценность памяти, изначально задуманная как таковая (прошлому не позволено быть забытым, оно присутствует постоянно и останется в сознании следующих поколений; события из прошлого были увековечены в памятниках, значит, можно возвести такой и в настоящем для будущего), историческая ценность (фиксирует определенный этап развития любой области человеческого творения; такая ценность стимулирует сохранение, пристальное изучение искусствоведов и созерцание широкой аудитории)

7 К данному обществу в юности имели отношение многие известные деятели из разных областей, в их числе: Зигмунд Фрейд, композитор и музыкальный критик Хуго Вольф, историк Рихард фон Кралик, бактериолог Макс фон Грубер, лидер австрийской социал-демократии Виктор Адлер и др.

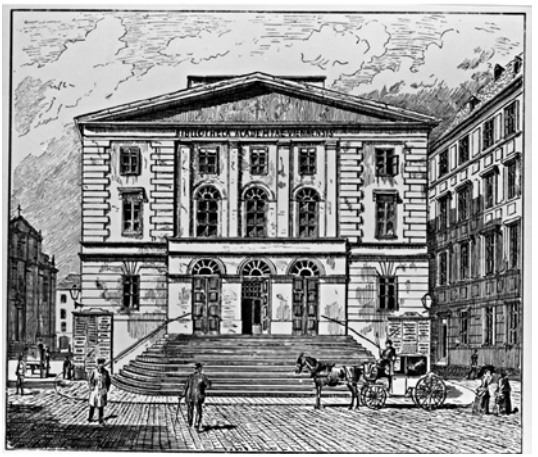
8 Также мотив постоянного взаимодействия дионисийского и аполлонического начал хоть и в отдаленных чертах, но явно вдохновил Ригля на статью под названием «Настроение как содержание современного искусства» [30].

и ценность возрастная (с ее точки зрения памятник представляется свидетельством разрушения; данный процесс естественен в закономерной последовательности, что-то исчезает, чтобы на его месте появилось новое) [7, S. 111–112]. В обеих работах имеется особое наблюдение о том, что предложенные категории справедливы непосредственно только в своей «области» и при вероятных соприкосновениях вступают в конфликтную ситуацию. Важной задачей становится приведение их в равновесие и дальнейшее поддержание пребывания в нем. Несмотря на отсутствие у Ригля прямых цитат и ссылок вкупе с упомянутым обстоятельством недостатка информации о том, как самим историком искусства проводилась работа над своими теоретическими трудами, все же есть вероятность полагать, что обращение к наследию Ницше, интерес к которому зародился еще в ранние студенческие годы, носило вполне систематический, нежели случайный характер.

Гораздо в большей степени гипотетическим является влияние на сложение риглевской концепции «памятника» идей Джона Рёскина[9], что не отменяет близости их позиций по отношению к наследию[10].

9 До настоящего времени не дошло сведений о том, владел ли Алоиз Ригль английским языком. Однако общеизвестно, что работа «Семь светочей архитектуры» (1849) была переведена на немецкий язык в 1900 году и сыграла большую роль в меморандуме представителей Сецессиона по вопросу реставрации портала собора Св. Стефана. Скорее всего, именно тогда она была прочитана Риглем (полностью, либо в виде обширных отрывков в самом меморандуме), но стоит отметить, что его отношение к проблемам сохранения памятников, судя по публикациям периода работы в музее, начало формироваться гораздо раньше времени знакомства с Рёскиным. Вероятно, Ригля можно считать его единомышленником, а не последователем (как об этом пишется в некоторых статьях). То же самое, видимо, относится уже к известному последователю Рёскина Уильяму Моррису, который осуществил переводы трудов своего идейного вдохновителя на немецкий язык. Моррис был особенно обеспокоен попытками возвращения зданий к идеализированному состоянию далекого прошлого по системе Виолле-ле-Дюка, неоднократно выступая против конкретных случаев реставрации памятников. О деятельности Морриса см.: [32, p. 3]

10 Важно осознавать, что исторические памятники вовсе не являлись отправной точкой размышлений Рёскина об архитектуре. Главным образом, он задавался вопросом о природе архитектуры, в целом, о строительстве своего времени, в частности, как в условиях кризиса, вызванного промышленной революцией, можно восстановить присущую ему ценность благочестия, другими словами, как архитектура настоящего могла бы быть возрождена с учетом исторического опыта. Данное качество, по мнению критика, вернется лишь в том случае, если архитектура вновь обретет свою мемориальную ценность: «...здания прошлого разговаривают с нами, они заставляют нас услышать голоса, вовлекающие нас в диалог; архитектура должна быть исторической и сохраняться как таковая». Движение за сохранение памятников активно разворачивалось в Англии, где защитники не смирялись со сносом старых зданий в пользу новой цивилизации, которая в американском воплощении строила «мир без воспоминаний и руин» (нельзя, конечно, в этих суждениях не замечать и идеологического фактора). Для них памятники прошлого были необходимы для жизни настоящего, не являлись ни случайным украшением, ни архаизмом, ни просто носителем знаний и удовольствий, а были частью повседневности [8, pp. 107–108]. Логическим продолжением развития магистральной идеи, высказанной Рёскиным в «Семи светочах архитектуры», стало создание трактата «Камни памяти» (1851–1853), где уже целый город становится памятником, своеобразным маяком, призванным наставлять и вдохновлять, изменять ход истории и направлять человечество к лучшей судьбе [33] .



3. *Старое здание Библиотеки Венского университета* (1777–1884). XIX в.
Литография
Архив Венского университета, 106.I.3282

4. *Читальный зал в старом здании Венского университета с потолочной росписью Антона Херцога* (1735). 1886
Фотография
Архив Венского университета, 106.I.265

Рёскин воспринимал памятники (конкретно архитектурные) как единственно доступный способ сохранить живую связь с прошлым, которому общество обязано своей идентичностью и которое составляет основу самого его существования (иными словами, служит источником коллективной памяти): «Мы можем жить без [архитектуры] <...>, но без нее мы не можем помнить» [34, p. 227].

Однозначно отрицательно он высказывался по отношению к реставрации, настаивая на том, что у современников нет никакого права прикасаться к памятникам прошлого, поскольку они принадлежат частично тем, кто их создал и частично всем поколениям, которые

будут существовать в дальнейшем, и любое вмешательство в «эти реликвии» является святотатством (а реставрация означает крайнюю степень разрушения, которому только может подвергнуться здание, его фальсификацию[11]). Для Рёскина желание восстановить памятники было посягательством на подлинность, составляющую само его значение, но, разумеется, им приветствовалось поддержание их в надлежащем состоянии при условии, что оно не внесет особых изменений в их настоящий вид («не реставрировать, а сохранять») [8, p. 119; 6, p. 47]. В своем выборе консервационных мер без реставрационного вмешательства он был схож с Риглем, как и аналогично ему противостоял большей части профессионального сообщества того времени.

Более того, Рёскин придавал немалое значение и возрастной ценности архитектурных построек, противоречившей принятой норме реставрации в XIX веке: «Действительно, величайшая слава здания состоит не в его камнях или золоте, а в его возрасте. Именно в золотом пятне времени мы должны искать настоящий свет, цвет и драгоценность архитектуры» [34, pp. 233–234].

То, что Ригль и Рёскин были единомышленниками, впрочем, без каких-либо уточнений отмечал М. Дворжак: «Ригль посвятил последние три года жизни реорганизации Центральной комиссии с такой невероятной преданностью и таким рвением, будто он предчувствовал, что дни его сочтены <…> Именно благодаря Риглю, разделявшему радикально консервативную позицию Рёскина, та же самая Центральная комиссия, которая еще недавно согласовывала проекты реставрации в старом смысле этого слова, теперь была насквозь пронизана новыми идеями, вплоть до своего самого старшего члена, и, обогнав региональное развитие в Австрии, заняла передовое положение» [10, S. 230].

Проделанная Риглем основательная работа по анализу отношения общества к памятникам в разные времена, выявлению системы ценностей и снабжению каждой подробным комментарием, является уникальной попыткой постичь сущность того, что именно называется

11 «Ни общество, ни те, кто заботится об общественных памятниках, не понимают истинного значения слова “реставрация”. Оно означает самое полное разрушение, которому может подвергнуться здание; разрушение, из которого невозможно собрать никаких остатков; разрушение, сопровождаемое ложным описанием того, что было разрушено. Не позволяйте нам обманывать себя в этом важном вопросе, это невозможно, ровно, как и воскресить мертвого — восстановить что-либо, когда-либо бывшее великим или прекрасным в архитектуре» [34, p. 242].

«памятником», по обстоятельности не сравнимой ни с чем прежним. На этом пути у Ригля не было предшественников, поэтому справедливо рассматривать не столько теоретические влияния на конкретное эссе, а в целом, на само мировоззрение ученого, которое по крупицам начало складываться в годы обучения в университете и общения с передовыми представителями академической среды.

Так, один из наставников Ригля, Рудольф Айтельбергер фон Эдельберг на первом Художественно-историческом конгрессе в Вене в 1873 году заявлял: «…мы требуем сохранения и никакой реставрации!» [17, S. 78]. Другой профессор истории искусств Венского университета, Мориц Таузинг в 1882 году употреблял слово «документ» в отношении исторического значения здания. В упоминавшейся статье, направленной против реставрации собора Св. Стефана, он вложил свое отношение в реплику от лица купола, сатирически одушевляя его: «Не хочу хвастаться, но я — самый важный документ, которым вы владеете. Как вы можете, без греха, исправить ошибку на пергаменте старого документа и обновить его в соответствии со своим желанием, так же можете изменить, отнять или заменить мой наряд, на котором стоит подпись ваших же предков» [39, S. 3]. Выделенная Риглем историческая ценность требовала защиты, по возможности, неповрежденного «документа» [19, p. 71].

Предположительно, обучаясь на юридическом факультете, Ригль мог посещать лекции известного экономиста, основателя австрийской школы политической экономии Карла Менгера[12]. Несмотря на совершенно разные научные области, система ценностей Ригля в некоторых аспектах напоминает концепцию ценностей, сформулированную Менгером, который в своей книге «Основания политической экономии» [24] высказал мнение, что ценность товара заключается не в его качестве, а в потребности человека воспользоваться этим товаром[13].

12 К. Менгер был профессором Венского университета в период с 1873 по 1903 год. Несмотря на отсутствие свидетельств того, что он был знаком и общался с Риглем, мысли последнего развивают четкую параллель с субъективным подходом представителей австрийской экономический школы, что вкупе с одинаковыми годами их пребывания в университетской среде дает возможность предположить о хорошей осведомленности о ее принципах. См.: [38, p. 429].

13 Схожую концепцию ценности имели представители школы, сложившейся вокруг философа Франца Брентано, преподававшего в Венском университете с 1874 года. Ригль посещал его публичные лекции (как, к слову, посещали их Алексиус Майнонг, Христиан фон Эренфельс, Эдмунд Гуссерль, Зигмунд Фрейд и Томаш Масарик). В его

В интерпретации Ригля означает, что памятники ценны тем, что могут удовлетворить насущные потребности современности[14]. О прослеживающемся влиянии Менгера упоминал Ю. фон Шлоссер [35, S. 163].

Среди иных любопытных, однако не доказанных пересечений, лежащих вне университетского круга, можно назвать сходство потребительской ценности (или ценности использования) у Ригля с размышлениями бельгийского архитектора Луи Клоке о памятниках живых и мертвых — «нравственная красота» исторических зданий неотделима от того, как они используются [36, p. 114][15]. Еще подобного же рода пересечения — с работами физика и философа-позитивиста Э. Маха «Анализ ощущений и отношение физического к психическому» [20][16] и социолога Г. Лебона «Психология масс» [18][17]. Немногочисленные исследователи ориентацию на возрастную ценность (подразумевающую фиксированную ограниченную продолжительность жизни памятника) связывают с медицинской теорией терапевтического нигилизма, которая распространялась в Вене в XIX веке[18], а другой источник вероятного влияния видят в школе венского психоанализа[19].

Тем не менее, как представляется, именно питательная среда Венского университета во многом поспособствовала превращению Ригля из рядового студента в незаурядного мыслителя, способного, среди прочего, несмотря на имеющиеся жесткие рамки, проявить индивидуальный подход к решению поставленных задач, основанный на фундаментальных теоретических знаниях из разных областей гуманитарных наук и хорошей осведомленности в актуальных идеях и проблемах.

появившейся спустя пару лет после труда Менгера работе «Психология с эмпирической точки зрения» ценность обсуждалась в терминах интенциональности. В 1889 году философ публикует работу «О происхождении нравственного познания», в которой представил этику, основанную на теории ценности, связанной с желанием. Происходя из области философии психологии, теория ценности Брентано представляет собой попытку обнаружить объективную основу внутренней ценности как эстетического, так и этического созерцания, через интенциональные объекты эмоций и желаний [15, p. 220; 11, p. 141].

14 Принимая данную версию во внимание, становится возможным объяснить, почему термины «ценность» и «интерес» используются в качестве синонимов [13, S. 67].

15 Так же это созвучно идее Г. Зиммеля о материальной полезности вещей как отправной точки их ценности красоты [13, S. 72].

16 В данной работе человек предстает как лишившийся своей субстанции субъект, «невосполнимое я», познание объективного мира которым начинается с ощущений (и поэтому все знание может и должно быть редуцировано к чувственному опыту); субъект и объект неразрывно связаны и переходят друг в друга («Цвета, звуки, тепло, давление, пространства, время и т. д. связаны между собой различными способами, и к ним привязаны настроение, чувства, воля» — цит. по: [21]). Ригль также определил нечто иное в современном зрителе, который хотел получить физический и психический опыт переживания произведения не в его объективном существовании, как это обычно делалось в более ранних периодах, а скорее, в его субъективном появлении, то есть в воздействии, которое оно оказывает на чувственно воспринимающего или умственно пробуждающегося субъекта. Памятники больше не выступали носителями знаний, превратившись в субстрат для индивидуальных ощущений. См. об этом: [5, S. 65; 11, p. 137; 13, S. 70].

17 Лебон отмечал, что разнородная, по сути, масса реагирует в основном на чувственный опыт, поскольку «влечения, страсти и чувства» одинаковы для всех индивидов, независимо от их социального положения или интеллектуальных способностей. Массы проникаются мифами и могут мыслить только образами, через которые на них можно влиять. С момента своего появления два великих занятия человечества заключались в создании преданий и в их уничтожении после того, как они изживали себя. Широко обсуждаемые тезисы психологии масс, возможно, были известны Риглю, поскольку он направлял свои аргументы в защиту памятников на потребляющую «толпу», дело их охраны из сферы узкой профессиональной сферы должно было стать общественной задачей, в который принимают участие представители всех слоев населения. Возрастная ценность основывалась на чувственном восприятии [13, S. 71].

18 Сторонники этой теории выступали против лечения больных и полностью сосредоточили свой интерес на диагностике (лучшим методом лечения являлось воздержание от любых вмешательств) [13, S. 70].

19 Необъяснимое ощущение, которое Ригль называет «чувством», периодически упоминается в тексте и указывает на то, что существует нечто человеческое, не поддающееся определению, что может повлиять на наше отношение к памятникам, что лежит в основе того, что побуждает нас сохранять их. Подобный дискомфорт современного человека был описан позже З. Фрейдом в трактате «Недовольство культурой» (1930) [22, p. 398]. Фрейд часто сравнивал психоанализ с археологией и использовал метафоры из нее, чтобы сделать свою теорию более доступной к пониманию.

Библиография

1. *Ванеян С. С., Ванеян Е. А.* Венская школа искусствознания. *Orient oder Wien?* // Искусствознание. 2019. № 2. С. 10–43.

2. *Зедльмайр Х.* Искусство и истина. История искусства как история стиля / Пер. с нем. С. С. Ванеяна // Искусствознание. 1999. № 1. С. 458–505.

3. *Ларина Е. А.* Алоиз Ригль и научная консервация памятников: от практики к теории // Искусствознание. 2024. № 3. С. 88–103.

4. *Ригль А.* Современный культ памятников: его сущность и возникновение/Пер. с нем. Г. Гимельштейна. М.: ЦЭМ, V-A-C press, 2018.

5. *Bacher E. (Hrsg.)* Kunstwerk oder Denkmal? Alois Riegls Schriften zur Denkmalpflege Studien zu Denkmalschutz und Denkmalpflege. Bd. XV. Wien, Köln, Weimar: Böhlau Verlag, 1995.

6. *Burman P.* Ruskin's Children: John Ruskin (1819–1900), the Good Steward, and His Influence Today // Conservation and Preservation: Interactions Between Theory and Practice. In Memoriam Alois Riegl (1858–1905). Proceedings of the International Conference of the ICOMOS International Scientific Committee for the Theory and the Philosophy of Conservation and Restoration, 23–27 April 2008, Vienna, Austria. Firenze: Polistampa, 2010. Pp. 47-69.

7. *Casetti R.* Vom Nutzen und Nachteil der Historie im modernen Denkmalkultus. Der Einfluss von Friedrich Nietzsche auf Alois Riegl // Österreichische Zeitschrift für Kunst und Denkmalpflege. 2008. Bd. 62 (1). S. 111–113.

8. *Choay F.* L'Allégorie du patrimoine. Paris: Seuil, 1992.

9. *Dvořák M.* Alois Riegl // Mitteilungen der k. k. Zentral-Komission für Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale. 1905. III. Folge. IV. S. 255–276.

10. *Dvořák M.* Entwickelung und Ziele der Denkmalpflege in Österreich // *Dvořák M.* Schriften zur Denkmalpflege: Gesammelt Und Kommentiert Von Sandro Scarrocchia. Wien, Köln, Weimar: Böhlau Verlag, 2012. S. 225–236.

11. *Hayes M.* On the Origins of Alois Riegl's Conservation Theory // Journal of the American Institute for Conservation, 2019. Vol. 58, Iss. 3. Pp. 132–143.

12. *Holly M.* Panofsky and the Foundation of Art History. Ithaca (NY): Cornell University Press, 1985.

13. *Horat H.* Alois Riegl: der moderne Denkmalkultus // Zeitschrift für Schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte. 1996. Bd. 53 (1). S. 61–78.

14. *Höhle E. M.* Zur Genese des "Denkmalkultus" // Alois Riegl revisited. Beiträge zu Werk und Rezeption. Contributions to the Opus and its Reception/Tagungsband zum Symposium "Alois Riegl 1905/2005" veranstaltet von der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften in Kooperation mit dem Osterreichischen Museum fuer Angewandte Kunst/Gegenwartskunst (MAK) dem Bundesdenkmalamt und dem Institut fuer Kunstgeschichte der Universitat Wien, Wien 20. bis 22. Oktober 2005, Wien: Austrian Academy of Sciences Press, 2010. S. 63–69.

15. *Jacquette D.* The Cambridge Companion to Brentano. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

16. *Kemp W.* Introduction // *Riegl A.* The Group Portraiture of Holland / Trans. by E. M. Kain and D. Britt. Los Angeles (CA): Getty Research Center for the History of Art and the Humanities, 1999.

17. *Koller M.* Zur Geschichte der Restaurierung in Österreich // Geschichte der Restaurierung in Europa/Histoire de la Restauration en Europe. 1991. Bd. 1. S. 65–83.

18. *Le Bon G.* La Psychologie des foules. Paris: F. Alcan, 1895.

19. *Lehne A.* Georg Dehio, Alois Riegl, Max Dvorak — A Threshold in Theory Development // Conservation and Preservation: Interactions Between Theory and Practice. In Memoriam Alois Riegl (1858–1905). Proceedings of the International Conference of the ICOMOS International Scientific Committee for the Theory and the Philosophy of Conservation and Restoration, 23–27 April 2008, Vienna, Austria. Firenze: Polistampa, 2010. Pp. 69–81.

20. *Mach E.* Die Analyse der Empfindungen und das Verhältnis des Physischen zum Psychischen. Jena: Verlag von G. Fischer, 1886.

21. *Mach E.* Die Analyse der Empfindungen und das Verhältnis des Physischen zum Psychischen. Verlag von G. Fischer in Jena, 1906. URL: https://psychologie.lw.uni-leipzig.de/wundt/opera/mach/empfndng/AlysEm01.htm (дата обращения: 07.11.2025).

22. *Mattos L.* The Meeting of Conservation of Cultural Heritage and Psychoanalysis: A Possible Metaphor // Conversaciones... con Georg Gottfried Dehio, Alois Riegl y Max Dvořák. 2018. Núm. 5. Pp. 393–407.

23. *McGrath W.* Dionysian art and populist politics in Austria. New Haven (CT): Yale University Press, 1974.

24. *Menger C.* Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. Wien: Wilhelm Braumüller, 1871.

25. *Nietzsche F.* Unzeitgemässe Betrachtungen Zweites Stück: Vom Nutzen und Nachtheil der Historie für das Leben // *Nietzsche F.* Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Einzelbänden / Hrsg. von G. Colli und M. Montinari. München: dtb, de Gruyter, 1988. Bd. 1. S. 243–334.

26. *Pächt O.* Art Historians and Art Critics — vi: Alois Riegl // The Burlington Magazine. 1963. Vol. 105. No. 722. May. Pp. 188–193.

27. *Pfabigan A.* Freud's Vienna Middle // Rethinking Vienna 1900 / Ed. by S. Beller. New York: Berghan Books, 2001. Pp. 154–170.

28. *Podro M.* The Critical Historians of Art. New Haven: Yale University Press, 1982.

29. *Reynolds Cordileone D.* Alois Riegl in Vienna, 1875–1905: An Institutional Biography. Burlington (VT): Ashgate, 2014.

30. *Riegl A.* Die Stimmung als Inhalt der modernen Kunst (1899) // *Riegl A.* Gesammelte Aufsätze / Hrsg. von Karl M. Swoboda. Wien 1928. S. 28–39.

31. *Riegl A.* Der Moderne Denkmalkultus: Sein Wesen und seine Entstehung. K. K. Zentral-Kommision für Kunst- und historische Denkmale. Wien und Liepzig: W. Braumüller, K. U. K. Hof- und K. K. Universitäts Buchhändler, 1903.

32. *Rouhi J.* Development of the Theories of Cultural Heritage Conservation in Europe: A Survey of 19th and 20th Century Theories // The 4th International Congress on Civil Engineering, Architecture & Urban Development, Tehran (Iran), 27–29 December 2016.

33. *Ruskin J.* The Stones of Venice. Boston, London: Faber & Faber, 1981.

34. *Ruskin J.* The Works of John Ruskin. Vol. 8, The Seven Lamps of Architecture / Edited by E. Cook and A. Wedderburn. London: George Allen, 1903.

35. *Schlosser J.* Die Wiener Schule der Kunstgeschichte. Mitteilungen des Institutes für Österreichische Geschichtsforschung. Erganzungsband XIII. Heft 2. Innsbruck: Wagner, 1934.

36. *Sette M.* Il Restauro in Architettura. Quadro Storico. Torino: UTET Libreria, 2001.

37. *Spikic M.* A portrait of Riegl in Split // Alois Riegl revisited. Beiträge zu Werk und Rezeption. Contributions to the Opus and its Reception/Tagungsband zum Symposium "Alois Riegl 1905/2005" veranstaltet von der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften in Kooperation mit dem Osterreichischen Museum fuer Angewandte Kunst/Gegenwartskunst (MAK) dem Bundesdenkmalamt und dem Institut fuer Kunstgeschichte der Universitat Wien, Wien 20. bis 22. Oktober 2005, Wien: Austrian Academy of Sciences Press, 2010. S. 137–139.

38. *Svoboda F.* In Search of Value: Vienna School of Art History, Austrian Value Theory and the Others // The Journal of Socio-Economics. 2011. Vol. 40. Iss. 4. Pp. 428–435.

39. *Thausing M.* Phylloxera renovatrix // Neue Freie Presse. 1882. Nr. 6343, 26. April. S. 1–3.